

Оксана ПУШКИНА, телеведущая: ПОЯВИТСЯ ЕЩЕ ОДНА КОНКУРЕНТКА — ВЫЖИВУ И ЕЁ

Оксана ПУШКИНА, телеведущая: *14 shkola Оксана*

Появится еще одна конкурентка — выживу и её

Ее передачи удивляют и шокируют: Оксана Пушкина ставит своих собеседников в неловкие ситуации, что не принято выпускать на людях, и не охотно делится сокровенным с ней и многомиллионной телевизионной аудиторией. Сегодня

МИХАИЛ ЗИНБЕР

Трудный ребенок
— Вы родились и выросли в Петрозаводске: папа — тренер по легкой атлетике, мама — собкор программы «Время»... В Карелии она, наверное, была большим человеком?
— Еще бы! В то время эту программу смотрела вся страна.

Роль переменялись: одну из самых популярных ведущих российского телевидения допрашивает журналист «Известий». И Пушкина рассказывает ему о себе — то, чего ее зрители не знают...

— До какой же это степени сытны?
— Отен тренировочный спринтер, и у него были большие достижения: его девочки входили в сборную СССР, и с семидесятого по восьмидесятый год он обездвизил все Олимпиады и чемпионаты мира. Папа ездил и затаривал нас деньгами и благополучи-

ем, а мама каждую неделю вымывала сюжет в программу «Время» и вела меня по жизни. Я была модным, хорошо одетым и хорошо накормленным ребенком...

(Описание на 9-й стр.) 62

(Описание. Начало на 1-й стр.)

— Из далекой северной провинции.

— Провинция провинции рознь: у ребят из моего класса через одного были родственники за рубежом. И когда в СССР никто никогда не выезжал, мы все ездили на машины в Финляндию. Эта маленькая страна была для нас пределом мечтаний: Хельсинки тогда казалась Нью-Йорком. Мой вкус сформировали голубые озера и чистые улицы Петрозаводска: я рвалась из родного города, но не в столицу, мне не нравилось жить в огромной, грязной и шумной Москве. Тогда я учила немецкий: Финляндия меня не устраивала, я собиралась в Германию.

— И как же вы собирались туда перебраться?
— Как все тогдашние девочки. При помощи замужества — для этого был нужен язык. Немецкий я выбрала, поверил папе: он сказал, что на нем говорит вся Европа.

Родители поощряли мою внутреннюю свободу, тишину и стремление к результату. Когда говорила: «Хочу быть первой!» — они меня не овергивали — мама и папа и сами были достаточно амбициозными людьми. Детство у меня было плотным. Спорт, музыка, которую я ненавидела (ох, сколько же я перелопачивала кружок от пианино!). Зато постоянная занятость спасла меня от детской колонии.

— Были шансы?
— Еще какие. Родители строили свои карьеры, музыкальные и спортивные успехи меня сдерживали, но был еще и двор...

— Чем же вы в нем занимались, кто были ваши друзья?
— Местные цыгане — в Карелии был свой табор. Меня страш-

«...А вечером, после школы, занятая музыкой и тренировки — равные джинсы, майка, цыгане: мне нравилось ходить по лезвию бритвы».

но тянуло в дерьмо: утром девочка завязывала бант (пять метров классной ленты), вытаскивала отглаженную форму, туфли на платформе, брала в руки желтый портфельчик... А вечером, после школы, занятий музыкой и тренировки — равные джинсы, майка, цыгане: мне нравилось ходить по лезвию бритвы. Однажды я, дружки подговорили меня грабнуть ларек (там были сигареты, а ребятам не хватало денег на курево). Побили стекла, тут же приехала милиция — все урала, я, как комсомолка, осталась. Я вельпросто была с ними, я вельпросто не брала!.. Но меня-то и взяли и вызвали маму. А она партийный человек, и папа в партии, — на меня орут всем домом, я и не лодь, и неуч, и карьеру им порчу! У мамы в роу один золотые медали и один жеман. Оказалось, философия, а это отбодь (то есть я) неведомо откуда взялось...

Провинциалка в городе Ленина
— Как же вы обходились?
— Пошла работать уборщицей на молочную кухню: в шесть часов утра мологита из брандирова рефрижераторы (и нарушила технику безопасности — и усадила мыть шеткой), потом наводила марафет и бежала на первую пару, благоухая детским молоком. Учиться было интересно, а по вечерам мы отрывались на дискотеке и терла охоту к пласу — Наша компания тусовалась в гостиницах «Прибалтийская» и «Ленинград» (в те годы это были островки западной жизни в «дремучем совке»). Восьмидесятый год был временем «интервечко» — мы, студентки школы искусств, была развола, они защищали не только своих персонажей, но и самих себя. Я проплакала всю ночь: Коновалов, голубоглазый человек с мягким голосом, покаялся мне нашим общим защитником от эгзистов-роллинцев, думала только о себе.

После программы я написала на студию письмо: «Здравствуйте, у меня есть горький опыт родительского развода, я могу об этом рассказать». Ах вы, думаю, гады — если вы так, то я вас слам с экрана. И подписала — «студентка ЛГУ Оксана Пушкина».

Девушка с характером и Ленинградское телевидение
— Что же было дальше?
— Через месяц раздался звонок, и когда я услышала магический, мягкий, потрясающий голос Владислава Коновалова, у меня вспотела рука. «Я получил ваше письмо, Оксана. Приходите на студию».

В комнате сидели интеллигентные теньки с Ленинградского телевидения. Я села, за-

Позываю охранника: «Послушайте, я дочка Светланы Пушкиной. Выпустите меня отсюда, мама завтра придет!» Миллионер обалдел. Главный гаишник Карелии (а потом главный гаишник страны) генерал Федоров каждый день рассказывал маме в «Новостях» Карельского ТВ, как он борется с правонарушителями. В отделе они отпустили, не поверили и позвонили ему на дачу. Федоров не поверил своим ушам, сказал: «Не может быть!» — и приехал разбираться. Генерал посмотрел на меня, ошалевшую, — и отпустил даже, а мамину отдал маме на следующий день.

— Могу представить, что было дома...
— Не можете. Шрамы на руках у меня остались до сих пор. Родители глупцы, как меня жрет Султан, и при этом умны, да собака понимает, кто у нас растет?

Я мечтала быть тренером по художественной гимнастике — до сих пор мне снится, что я в зале и тренирую девочек... Но папа сказал: «Нам второго тренера не надо!» — и я склала документы на журфак МГУ.

Летом 1980 года я приехала на олимпийскую Москву, на журфак не поступила и поехала в Ленинград. Там я очень хорошо прошла творческий конкурс, написав сочинение на свободную тему: речь в нем шла о моей мечте. Хотя, говоря по совести, художественная гимнастика помогла мне и здесь. Абитурientка Пушкина была мастером спорта, и в деканате это оценили: позже я год выступала на соревнованиях по художественной гимнастике за сборную Ленинградского университета.

В университетский период меня постигло первое страшное разочарование — развод родителей, выбиший почву из-под ног. В Ав-

густе я поступила, в сентябре — картошка, затем нас распустили на ноябрьские каникулы. Седьмого ноября я приезжаю в Петрозаводск, меня встречают папа с мамой, и папа говорит: «Оксана, ты была сложной ребенком, и мы боялись тебя травмировать. А теперь я могу тебе сказать всё — мы с мамой развелись».

Так начались мои вырванные годы. Мама уговаривала меня писать отцу письма: «Какой он гад, как он тебе испортил жизнь!» Папа пожимал плечами: «Кто кому историт!..» И я послала всех на фиг — мне было не до папы и рубек, от них от всех подальше.

После того, как отца родился ребенок, мое материальное положение изменилось: маме осталась машина, отцу — деньги, но теперь он не мог мне помогать.

Лоб в то, что сверху за мной следит Бог Перед озерным полом на дискотеку мой сосед по коммуналке сказал: «Привяжи на сегодняшний вечер одно место к стулу. У нас, на питерском телевидении, есть человек, который про нас, придуков-детей, снимает поучительные истории...» — и усадил меня перед «ципком». И я — свою историю. В детстве он так же бедокурит, как я. Родители Владислава всю жизнь посвятили его брату, отличнику и комсомольцу, — в итоге он слепой. А Владислав в выработал характер: вытаскивал его из глухого Дерзжанина и стал известным журналистом.

Двенадцать часов. Студия закрылась. Уборщица поступала была собственной, реальная история развола, они защищали не только своих персонажей, но и самих себя. Я проплакала всю ночь: Коновалов, голубоглазый человек с мягким голосом, покаялся мне нашим общим защитником от эгзистов-роллинцев, думала только о себе.

МИХАИЛ ЗИНБЕР

кинув ногу на ногу: «Я Оксана Пушкина, здравств». Коновалов смотрит на меня: «По-моему, мы с вами договаривались на завтра».

— А я пришла сегодня!
Опущенные теньки вышли из кабинета, и мы с ним проговорили часов десять. Я ему рассказала про развод родителей, он мне — свою историю. В детстве он так же бедокурит, как я. Родители Владислава всю жизнь посвятили его брату, отличнику и комсомольцу, — в итоге он слепой. А Владислав в выработал характер: вытаскивал его из глухого Дерзжанина и стал известным журналистом.

Двенадцать часов. Студия закрылась. Уборщица поступала была собственной, реальная история развола, они защищали не только своих персонажей, но и самих себя. Я проплакала всю ночь: Коновалов, голубоглазый человек с мягким голосом, покаялся мне нашим общим защитником от эгзистов-роллинцев, думала только о себе.

Двенадцать часов. Студия закрылась. Уборщица поступала была собственной, реальная история развола, они защищали не только своих персонажей, но и самих себя. Я проплакала всю ночь: Коновалов, голубоглазый человек с мягким голосом, покаялся мне нашим общим защитником от эгзистов-роллинцев, думала только о себе.

Двенадцать часов. Студия закрылась. Уборщица поступала была собственной, реальная история развола, они защищали не только своих персонажей, но и самих себя. Я проплакала всю ночь: Коновалов, голубоглазый человек с мягким голосом, покаялся мне нашим общим защитником от эгзистов-роллинцев, думала только о себе.

Мне с ней было легко». А на следующий день была лгушка, и там меня посадили в помойку с дерьмом.

Выступали все — Кирилл Абутов сказал, что я — ужас, говорю у меня страшный, и ему неясно, откуда могло появиться это непонятное сознание на интеллигентном Ленинградском телевидении. Частично он был прав: питерцы говорят мягко, растягивая слова, а я тогда брала молотила и делала ударение на «о».

Меня защитила только главный редактор музыкальных программ ЛЕНТВ Ирина Тайманова. Она встала и сказала: «Ну что же ее критикуют? У нас ведь нет молодых lidí. Вот вы, Валдим (так свои называли Коновалова), возьмете над ней шефство?»

— Так она уже у меня работает! У доброй половины присутствующих перекосило рожу. Со-

шли хорошо, и мне разрешили побить дома.

Я закрыла дверь гинекологического отделения и пошла гулять — это было 10 ноября, а 15-го я должна была родить. На улице был лед, и я упала: упала здорово, на копчик. Тогда он еще не сложенный, но трещина была серьезной. Я потеряла сознание, но помню, как мимо меня шли люди — и никто не попытался поднять лежащую на земле беременную женщину. Мальчик говорит: «Мам-а, смотри, тетя упала...» — «Почему бы тебе не пойти?»

Меня привезли в роддом, обследовала, советская медицина сказала: «Можно рожать, она спортсменка, трещина ерундовая». Но во время родов копчик обломился окончательно. Боль была адской, ребенка я вытаскивала за один раз и потеряла сознание под вопли акушерок: «Рано!»

Когда я очнулась и мне сказали, что родила мальчик, я ответила: «Какой ужас, я хотела девочку». (Это уже началось по-человечески.) А потом я хотела встать, не смогла, сплутилась на пол и поползла на локтях. От дикой боли в копчике и полной неподвижности я плакала сутками. Никакой радости розы мне не принесли.

А затем одна старая мелнишская бабка сказала: «Посмотри, кто рождается!» — и принесла мне ребенка без уха.

— Кончай голосить, корова! Ребенок слухнет, и ты будешь виновата!»

И я послушала ее, и начала кормить. Через месяц нас с Темой выписали. Я лежала дома на досках — сидеть не позволяла боль. Меня лечили иглоукальванием, вправляли мне позвоночки... Для того, чтобы восстановиться, потребовался год. Я разжирила до левостая звуку, килограммов. Представляете, какво мне тогда приходилось? Я даже в машину

не поменялась, на бедре у меня были синяки от рычага переключения скоростей.

Я отбила аппетит куревом, перестала есть после шести — и к переуду в Питер во мне уже было восемьдесят килограммов. А в Питере я пришла в фитнес-клуб и занимаюсь физкультурой до сих пор.

Я насилывала себя. Чтобы согнать вес, занималась в шести спортзалках в течение два раза в день. Все кончилось благополучно, я бросила курить, стала тренироваться два раза в неделю — и начала работать. Я сделала программу о звездах «Госпожа Уляча» — раз в месяц она выходила на ОРТ. А в начале января начался перелом. Муж, вместе с американцами, купил частный, «шестой» питерский канал, и я была вынуждена поднимать семейный бизнес.

Американцы увидели, что я работаю лодьями, и позвали меня на телеэкраны стажировку в штаты. Я поехала туда с ребенком — пусть и он посмотрит на другую цивилизацию.

Я должна была изучать в Америке телевизионный менеджмент и маркетинг, чтобы по возвращении руководить нашим каналом. В результате я провела в США семь лет.

Беда
— И все, разумеется, было хорошо...
— Ну, это как сказать. Мелнишские проблемы были небольшие, но я за них увязалась, поскольку не хотела бегать с живодом на студию. А ухватившись, поехала в Петрозаводск, к маме, и семь месяцев пролежала в гинекологическом отделении Карельской республиканской больницы, где стала большим специалистом по гинекологии. Из роддома я вышла незадолго до родов. Дела

— Семь лет? Почему же?...
— Возвращаться было куда-то и не к кому. Мы прожили с мужем десять лет, и наш брак дал трещину. Выяснить, кто виноват, я не хочу — мы оба не безгрешны. Валдим приезжал к нам каждый месяц, бизнес шел, и с деньгами все было потрясающе (проблемы и обвалы начались потом). В один из приездов, года через три, он сказал: «Я определился и хочу, чтобы мы были вместе».

Но мне надо было побить одного — пусть даже и в мой эфир. Я вышла из Америки, и в мой эфир пришла американская камера-одиночка. Там я даже разговаривать сама с собой научилась, ведь рассчитывать было не на кого.

В первые два года я ненавидела Америку, на третий стала понимать, как я, четвертый полюбила. Америка вытерпела из меня весь «звездность», там я поняла, кто я — не знающая английского, не умеющая пользоваться кредитными картами... В Америке я начала

релась из-за того, что мне понадобились деньги, и я попросила увеличения мизерной зарплаты. Я искренне возмущена. В России у мужа начались проблемы с бизнесом: на дворе дефолт, я таяла на себе все. Снимала квартиру, сутелилась, а начальство это словно не волновало. Саша поначалу мне помогала, но, когда ситуация обострилась, вытерпела из меня это. Пусть при помощи партнеров мужа удалось устроить Тему, оказалась очень престижной... И тут я познакомилась с Ирой Родниной.

Мои американские друзья попросили сделать телевизионный сюжет о русских, которые хорошо стоят на ногах в Штатах. Я пришла к Ире — и увидела, что она совсем не хорошо стоит на ногах, что у нее примерно такая же депрессия, как когда-то у меня. Мы разоткровенничались, проговорили всю ночь, и я поняла, что Ире плохо, позже узнала, что она нуждается... Сейчас мы с Ирой не подруги, а сестры. В Америке мы больше не общались ни с кем из русских. Семь лет мы были вдовушкой, и мы и наши дети. Под такой дружбы идет за три.

Однажды я говорю: «Ира, в этот день под Лос-Анджелесом ты загнешься. Надо возвращаться в Москву, строить для себя школу и каток».

Я боюсь, поезжай ты первая... И я вернулась в Москву в 1997 году. Тупо просидела пять дней, без толку звоня в мэрию. А потом смотрю программу «Взгляд», вижу старого друга Шурку Любимову: «Может, он может мне помочь?» — «Зачем тебе помощь? Блефую: говорю, что я корреспондент телеканала АВС Оксана Пушкина и Саша меня просил перевезти. Мне дают его телефон, по номеру я понимаю, что это за рубецком. Ты меня поминишь?»

Конечно... У меня стюльк идея... Класно, заходи... Я хочу еще про Родину с тобой поговорить... Хорошо, я возвращаюсь в субботу... А я не могу ждать, у меня ребенок на пол и поползла на локтях. О'кей, поеду во второй раз. Приезжаю, встречаюсь с Сашей, говорим с ним за жизнь. Саша соглашается: «Давай Родину вернем! Возвращаем же мы ребит из чеченского плена... Нормальная акция для телекомпании «ВИД». Вот тебе камера — и шушуй».

Так появилась фирма «Возвращение Ирины Родниной», который вышел на 1-м канале в августе 1997 года. С камерой я действительно пропущула всю Москву — а о том, как его сохранить другим, я, даб бог, еще расскажу с экрана. Алексей АЛЕКСАНДРОВ

Никто в меня ничего не вкладывал, работала я на технике «Лобовик» — это не могила, а в кофурях (здесь еще раз пригодилась коноваловская практика). Видовские ребята возвращаются со съемок: «Что это еще здесь сидит?» — я молча вытаскиваю свою камеру, они вставляют свою, смотрят, бизнес шел, и с деньгами все было потрясающе (проблемы и обвалы начались потом). В один из приездов, года через три, он сказал: «Я определился и хочу, чтобы мы были вместе».

Но мне надо было побить одного — пусть даже и в мой эфир. Я вышла из Америки, и в мой эфир пришла американская камера-одиночка. Там я даже разговаривать сама с собой научилась, ведь рассчитывать было не на кого.

В первые два года я ненавидела Америку, на третий стала понимать, как я, четвертый полюбила. Америка вытерпела из меня весь «звездность», там я поняла, кто я — не знающая английского, не умеющая пользоваться кредитными картами... В Америке я начала

релась из-за того, что мне понадобились деньги, и я попросила увеличения мизерной зарплаты. Я искренне возмущена. В России у мужа начались проблемы с бизнесом: на дворе дефолт, я таяла на себе все. Снимала квартиру, сутелилась, а начальство это словно не волновало. Саша поначалу мне помогала, но, когда ситуация обострилась, вытерпела из меня это. Пусть при помощи партнеров мужа удалось устроить Тему, оказалась очень престижной... И тут я познакомилась с Ирой Родниной.

Мои американские друзья попросили сделать телевизионный сюжет о русских, которые хорошо стоят на ногах в Штатах. Я пришла к Ире — и увидела, что она совсем не хорошо стоит на ногах, что у нее примерно такая же депрессия, как когда-то у меня. Мы разоткровенничались, проговорили всю ночь, и я поняла, что Ире плохо, позже узнала, что она нуждается... Сейчас мы с Ирой не подруги, а сестры. В Америке мы больше не общались ни с кем из русских. Семь лет мы были вдовушкой, и мы и наши дети. Под такой дружбы идет за три.

Однажды я говорю: «Ира, в этот день под Лос-Анджелесом ты загнешься. Надо возвращаться в Москву, строить для себя школу и каток».

Я боюсь, поезжай ты первая... И я вернулась в Москву в 1997 году. Тупо просидела пять дней, без толку звоня в мэрию. А потом смотрю программу «Взгляд», вижу старого друга Шурку Любимову: «Может, он может мне помочь?» — «Зачем тебе помощь? Блефую: говорю, что я корреспондент телеканала АВС Оксана Пушкина и Саша меня просил перевезти. Мне дают его телефон, по номеру я понимаю, что это за рубецком. Ты меня поминишь?»

Конечно... У меня стюльк идея... Класно, заходи... Я хочу еще про Родину с тобой поговорить... Хорошо, я возвращаюсь в субботу... А я не могу ждать, у меня ребенок на пол и поползла на локтях. О'кей, поеду во второй раз. Приезжаю, встречаюсь с Сашей, говорим с ним за жизнь. Саша соглашается: «Давай Родину вернем! Возвращаем же мы ребит из чеченского плена... Нормальная акция для телекомпании «ВИД». Вот тебе камера — и шушуй».

Так появилась фирма «Возвращение Ирины Родниной», который вышел на 1-м канале в августе 1997 года. С камерой я действительно пропущула всю Москву — а о том, как его сохранить другим, я, даб бог, еще расскажу с экрана. Алексей АЛЕКСАНДРОВ